

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ  
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Зевахина Наталья Александровна

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И КОРПУСНЫЕ  
ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ:  
ИНФОРМАТИВНОСТЬ, ИЛЛОКУТИВНЫЕ ТИПЫ  
ПРЕДЛОЖЕНИЙ, МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ  
СРАВНЕНИЕ

Резюме диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва 2024

Работа выполнена в Школе лингвистики факультета гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики».

## Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже 8 статей, которые входят в базы данных Scopus или WoS или опубликованы в изданиях, входящих в Списки журналов НИУ ВШЭ А, В, С или D. Три статьи опубликованы в журналах, входящих в 1 квартиль в базе данных Scopus; две статьи – в журналах, входящих во 2 квартиль в базе данных Scopus; четыре статьи – в журналах, входящих в Список журналов А (множества этих статей пересекаются). Три статьи написаны без соавторов, в остальных статьях соискатель является первым соавтором. Статьи представлены в обратном порядке их появления в печати. Если соискатель является первым соавтором статьи, после фамилии следует звездочка \*.

1. Zevakhina N.\*, Schipkova A. Asymmetry in Russian metalinguistic comparatives: corpus and experimental evidence // Вопросы языкознания. (принята к печати) (Scopus Q2, список В)
2. Zevakhina N.\*, Sigdel E. Experimenting with single-pair vs. pair-list interpretations in Russian multiple wh-clauses // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 30, FASL 29 extra issue. P. 1–11. (Scopus Q2, список А)
3. Zevakhina N. Veridicality and the cause-effect relation in Russian *esli-* and *raz-*conditionals: experimenting with Conditional Perfection and logical entailment // Linguistics Vanguard. Vol. 8, № s4. 2022. P. 401–412. (Scopus Q1, список В)
4. Zevakhina N.\*, Prigorkina V. Processing Conditional Perfection in promises and threats: The role of negation, clause order and incentive // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 50. 2021. P. 1557–1573. (Scopus Q1, список А)
5. Zevakhina N.\*, Pasalskaya E., Chinkova A. Over-specification of small cardinalities in referential communication // Frontiers in Psychology. Vol. 12. 2021. Article 745230. (Scopus Q1, список А)
6. Зевахина Н. А. Сложноподчиненные предложения с восклицательной интерпретацией в русском языке // Русский язык в научном освещении. Вып. 36, № 2. 2018. С. 199–227. (Список D)

7. Zevakhina N.\*, Dzhakupova S., Vishenkova A. The grammar of Russian metalinguistic comparatives // *Scando-Slavica*. Vol. 63, № 2. 2017. P. 179–197. (Scopus Q3, список А)
8. Зевахина Н. А. К классификации иллокутивных типов предложений русского языка // *Русский язык в научном освещении*. Вып. 29, № 1. 2015. С. 87–116. (Список D)

Результаты диссертационного исследования также представлены в следующих семи научных статьях, опубликованных в научных рецензируемых журналах. Три статьи опубликованы в журналах, входящих в 1 квартиль в базе данных Scopus; одна статья – в журнале, входящем во 2 квартиль в базе данных Scopus; четыре статьи – в журналах, входящих в Список журналов А (множества этих статей пересекаются). Все статьи написаны в соавторстве. Список статей также приведен в обратном порядке их появления в печати. Если соискатель является первым соавтором статьи, после фамилии следует звездочка \*.

9. Zevakhina N.\*, Rodina M. Presupposition diversity: soft and hard presupposition triggers in (non-)embedded contexts // *Acta Linguistica Petropolitana*. (в печати) (Scopus Q4, Список D)
10. Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // *Journal of Pragmatics*. Vol. 191. 2022. P. 55–66. (Scopus Q1, список А)
11. Зевахина Н. А.\*, Горнштейн Д. В., Егорова А. Д. Факторы, влияющие на проекцию пресуппозиций в чувашском языке: Экспериментальное исследование // *Урало-алтайские исследования*. Вып. 40. 2021. С. 7–30. (Scopus Q2, список B)
12. Vishenkova A., Zevakhina N.\* Exclamatives with and without predicates in Russian // *Russian Linguistics*. Vol. 43, №2. 2019. P. 107–125. (Scopus Q3, список А)
13. Zevakhina N. The hypothesis of insubordination and three types of wh-exclamatives // *Studies in Language*. Vol. 40, №4. 2016. P. 765–814. (Scopus Q1, список А)
14. Van Tiel B., van Miltenburg E., Zevakhina N., Geurts B. Scalar diversity // *Journal of Semantics*. Vol. 33, №1. 2016. P. 137–175. (Scopus Q1, список А)
15. Zevakhina N. Syntactic strategies of exclamatives // *The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ESUKA – JEFUL)*. Vol. 4, №2. 2013. P. 157–178. (Список С)

Кроме того, результаты диссертационной работы нашли отражение в следующих научных публикациях. Список публикаций также приведен в обратном порядке их появления в печати.

Zevakhina N., Pasalskaya E. Overspecification of small cardinalities in reference production // Proceedings of the 1<sup>st</sup> Conference “Experiments in Linguistic Meaning”. Linguistic Society of America, 2021. P. 298–309.

Zevakhina N., Prigorkina V. Quantity inferences in conditionals: a pilot experimental study // Proceedings of the 11<sup>th</sup> International Conference of Experimental Linguistics. Athens, Greece: National and Kapodistrian University of Athens, 2020. P. 233–236.

Зевахина Н. А. Конструкция «Нашел чем удивить!» // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной / Под общ. ред. Д. А. Рыжовой, Н. Р. Добрушиной, А. А. Бонч-Осмоловской, А. С. Выренковой, М. В. Кюсевой, Б. В. Ореховым, Т. И. Резниковой. М.: Лабиринт, 2018. С. 290–301.

Zevakhina N., Dainiak A. Russian predicates selecting remarkable clauses: corpus-based approach and Gricean perspective // Bridging Formal and Conceptual Semantics: Selected Papers of the BRIDGE Workshop 14, Studies in Language and Cognition 4. Dusseldorf University Press / ed. by K. Balogh, W. Petersen. 2017. P. 187–208.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective / NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”. 2015. No. 39.

Zevakhina N. Strength and similarity of scalar alternatives. Series MITWPL “MIT Working Papers in Linguistics. 2012. MIT (Cambridge, USA).

Зевахина Н. А. Экспериментальные исследования в области прагматических импликатур (как одно из направлений лингвистической прагматики) // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / под ред. Е. М. Девяткиной (отв. ред.), Д. С. Ганенкова, Д. В. Маховикова, А. Б. Шлуинского. М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 76–91.

Некоторые результаты диссертационного исследования изложены в следующем учебнике:

Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П. Введение в лингвистическую прагматику: Учебник / Отв. ред. Н. А. Зевахина. М.: ЛЕНАНД, 2020.

### **Апробация работы**

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2011–2022 гг. на следующих 33 российских и зарубежных научных конференциях и воркшопах:

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (2022)

The 10<sup>th</sup> International Symposium on Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics (2022)

Leipzig Lectures on Language End-of-Year Symposium (2021)

Moscow HSE Pragmatics Workshop (2021)

The 4<sup>th</sup> Experimental Pragmatics in Italy Conference (2021)

The 17<sup>th</sup> International Pragmatics Conference (2021)

The 14<sup>th</sup> European Conference on Formal Description of Slavic Languages (2021)

Workshop “Scales, degrees and implicature: Novel synergies between Semantics and Pragmatics” (2021)

Workshop “The Semantics and Pragmatics of Conditional Connectives” (2021)

The 11<sup>th</sup> International Conference of Experimental Linguistics (2020)

Workshop on “The Processing of Negation and Polarity” (2020)

The 1<sup>st</sup> Conference “Experiments in Linguistic Meaning” (2020)

The 15<sup>th</sup> Annual Slavic Linguistics Society Meeting (2020)

The 29<sup>th</sup> Conference “Formal Approaches to Slavic Linguistics” (2020)

Workshop “Focus alternatives: Theoretical and empirical perspectives” (2020)

The 8<sup>th</sup> Experimental Pragmatics Conference (2019)

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (2019)

The 50<sup>th</sup> Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (2017)

Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование (2017)

14<sup>th</sup> Annual Conference of the Slavic Cognitive Linguistics Association “Crossing boundaries: taking a cognitive scientific perspective on Slavic languages and linguistics” (2015)

Logical and Linguistic Pragmatics workshop (2015)

Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (2014)

Workshop Bridging Formal and Conceptual Semantics (2014)

The 5<sup>th</sup> Biennial Conference of Experimental Pragmatics (2013)

Логическая и лингвистическая прагматика: к столетию Г.П. Грайса (2013)

Первая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (2012)

The 16<sup>th</sup> Sinn und Bedeutung Conference (2011)

Proper Use of Quantification in Ordinary Language (2011)

The 32<sup>nd</sup> TaBu Dag (2011)

Когнитивная конференция в Москве: новые исследования (2011)

Moscow Syntax and Semantics (2011)

Meaning, Context, and Cognition (2011)

По теме диссертации было сделано 43 устных, стендовых и приглашенных доклада на зарубежных и российских научных конференциях и научных семинарах. Исследования, вошедшие в диссертацию, были поддержаны национальными и университетскими грантами:

Грант Министерства науки и высшего образования № 075–15–2020–793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования».

Проект «Эксперименты на стыке лингвистики и логики» (в рамках конкурса на создание проектных групп), 2020–2022.

Грант РФФИ №20–312–70009 «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья», 2020–2021.

Грант РФФИ №18–78–10128 «Когда глагол не глагол: нефинитные конструкции в языках России», 2018–2021.

Грант РФФИ №16–18–02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах», 2016–2018.

Индивидуальный исследовательский грант НИУ ВШЭ №15–01–0026 «Восклицательные и косвенно-восклицательные конструкции: синтаксис и семантика», 2015–2016.

Netherlands organization for scientific research, “Quantity matters: Building a theory of Q-implicature”, 2010–2011.

## Введение

Лингвистическая прагматика занимает особое место как среди языковых уровней, так и среди разделов лингвистики. Ряд теорий видит прагматику как часть семантики, в то время как другие теории – как отдельный языковой уровень и отдельный раздел лингвистики соответственно. В предлагаемой работе мы придерживаемся второго подхода. Следуя [Моррис, 1983], можно говорить о том, что лингвистическая прагматика описывает отношение между языковым знаком и его пользователями, т.е. говорящим и слушающим. Согласно работе [Davis, 1991], прагматика изучает коммуникативное намерение говорящего, языковые способы выражения таких намерений, стратегию слушающего по распознаванию намерения и действий говорящего.

Работа посвящена следующим аспектам лингвистической прагматики: информативности, иллокутивным типам предложений и металингвистическому сравнению.

Под информативностью, или количеством информации, понимается одна из максим П.Г. Грайса [Grice, 1975], которая гласит, что высказывание говорящего должно содержать не больше и не меньше информации, чем требуется. Однако некоторые виды высказываний при буквальном своих значениях нарушают эту максиму, то есть являются сверхинформативными или недоинформативными, см. [Tarenskeen et al., 2015; Rubio-Fernández, 2016; Rubio-Fernández et al., 2020; Long et al., 2021; Rubio-Fernández, 2021; Jara-Ettinger, Rubio-Fernández, 2022] и [Geis, Zwicky, 1971; Atlas, Levinson, 1981; Matsumoto, 1995; Van der Auwera, 1997; Horn, 2000; Von Stechow, 2001; Franke, 2009; Geurts, 2010; Farr, 2011; Moldovan, 2013; Herburger 2015; Van Tiel, Schaeken, 2016] соответственно. Коммуникативное поведение говорящего и слушающего, как правило, рационально и кооперативно, и поэтому порождение говорящим высказываний и их (буквальная и небуквальная) интерпретация слушающим регулируются максимами. Недоинформативные и сверхинформативные высказывания изучаются в следующих наших работах: [Van Tiel et al., 2016; Zevakhina, Prigorkina, 2021; Zevakhina, 2022] и [Zevakhina et al., 2021; Vilibakhova et al., 2022] соответственно. См. также разделы 2.1 и 2.2.

Понятие иллокуции восходит к теории речевых актов Дж. Остина [Austin 1962], а также к работам Дж. Сёрля [Searle, 1979; Searle, Vanderveken, 1985]. В любом своем высказывании говорящий выражает свое намерение, и высказывание передает иллокутивную цель, или иллокуцию, говорящего: констатацию факта, мнение, запрос на получение информации, просьбу, удивление и т.д. Теория речевых актов претерпела определенные изменения в лингвистической литературе – по типологии и по русистике, см. [Sadock, Zwicky, 1985; König, Siemund, 2007; 2013] и [Грамматика 1960; Грамматика 1980; Падучева, 1996, 2014; Пешковский,

1914/2001] соответственно, поскольку была переосмыслена как соотношение иллокуции и морфологических, синтаксических, лексических, интонационных способов ее выражения в языке. Так возникли иллокутивные типы предложений (*illocutionary sentence types*), наиболее известными из которых являются утвердительные, вопросительные и повелительные типы предложений. Классификация иллокутивных типов предложений и некоторые иллокутивные типы предложений обсуждаются в следующих наших работах: [Zevakhina, 2013; Зевахина, 2015; Zevakhina, 2016; Зевахина, 2018a; Vishenkova, Zevakhina, 2019; Zevakhina, Sigdel, 2022]. См. также раздел 3.1.

В работах [Giannakidou, Stavrou, 2009; Giannakidou, Yoon, 2011] было предложено понятие металингвистического сравнения, которое понимается по аналогии с металингвистическим отрицанием [Horn, 1989], см. также [Morzycki, 2011; Goncharov, 2014; Herburger, Rubinstein, 2014; Sassoon, 2015; Goncharov, Irimia, 2018, 2020], где описаны как семантические, так и морфосинтаксические свойства металингвистических сравнительных предложений в разных языках. Металингвистические сравнительные предложения обсуждаются в следующих наших работах: [Zevakhina et al., 2017; Zevakhina, Schipkova, в печати]. См. также раздел 3.2.

Сквозным для всей прагматики является понятие Общего фона разговора (*Common Ground*). Оно заключается в том, что во время диалога у собеседников формируется набор истинных пропозиций, каждая из которых передает Общее знание (*Common knowledge*). Например, в случае пропозиции *p* говорящий знает, что *p*, слушающий знает, что *p*, каждый из них знает, что другой знает, что *p*, и т.д. Эти два понятия не являются центральными для настоящей работы, однако они интересны в следующем отношении. Во-первых, согласно [Geurts, 2019], импликатуры недоинформативных высказываний, которые исследуются в наших работах [Van Tiel et al., 2016; Zevakhina, Prigorkina, 2021; Zevakhina, 2022], порождаются на основании того, что сказано говорящим, Общего фона разговора и представления о кооперативном поведении говорящего (см. также раздел 2.1). Во-вторых, как было показано в работах [Rubio-Fernández, 2021; Jara-Ettinger, Rubio-Fernández, 2022; Rubio-Fernández et al., 2020; Long et al., 2021] с опорой на работы [Clark, 1996; Clark, Marshall, 1981; Clark, Schaefer, 1989; Clark et al., 1983; Clark, Wilkes-Gibbs, 1986], коммуникация представляет собой коллаборативный процесс, и говорящий и слушающий аккумулируют Общий фон разговора во время коммуникации. Рассуждение (*reasoning*) строится таким образом: при идентичном визуальном контексте говорящий воспринимает такое свойство, как цвет, перцептивно выделенным и считает, что слушающий воспринимает это свойство так же (и легко распознает его), поэтому говорящий произносит языковое цветообозначение. Слушающий также считает, что для него и для

говорящего цвет перцептивно выделен и поэтому ожидает, что говорящий произнесет соответствующее языковое выражение. Так в референциальной коммуникации порождаются сверхинформативные высказывания, см. нашу работу [Zevakhina et al., 2021] и раздел 2.2 в отношении размеров малых множеств (от 2 до 4) и цвета. В-третьих, в нашей работе [Vilinbakhova et al., 2022] было показано, что Общее знание не является необходимым и достаточным компонентом тавтологических высказываний, которые представляют собой одну из разновидностей сверхинформативных высказываний. В-четвертых, в наших работах [Зевахина и др., 2021; Zevakhina, Rodina, в печати] были исследованы пресуппозитивные триггеры в чувашском и русском языках соответственно. Известно, что пресуппозиция представляет собой условие, которое принимается собеседниками как само собой разумеющееся и которое входит в Общий фон разговора [Stalnaker, 1973, 2002].

Восемь статей, которые вошли в диссертацию, делятся на две основные части: «междисциплинарную» прагматику и «взаимодействие» прагматики и грамматики. «Междисциплинарная» прагматика подразумевает такую исследовательскую область, которая объединяет лингвистику, философию языка, психологию рассуждений, основы логики. Применительно к этой работе мы рассматриваем две следующие темы: интерпретацию недоинформативных условных высказываний, вызывающих импликатуры (то, что в литературе называется Conditional Perfection вслед за классической работой [Geis, Zwicky, 1971]), и порождение сверхинформативных высказываний, содержащих обозначения размеров малых множеств (от 2 до 4) и цвета. Обе темы исследуются экспериментальными методами, см. раздел 2. «Взаимодействие» прагматики и грамматики также в свою очередь подразделяется на две темы: иллокутивные типы предложений и металингвистические сравнительные предложения. Обе темы исследуются корпусными и экспериментальными методами, см. раздел 3.

Важным аспектом настоящей работы является изучение вариативности ряда прагматических феноменов. Имеется в виду, с одной стороны, вариативность исследуемых прагматических явлений в отношении их грамматической, семантической и прагматической приемлемости в экспериментальных исследованиях [Van Tiel et al, 2016; Зевахина и др., 2021; Zevakhina, Prigorkina, 2021; Zevakhina et al., 2021; Vilinbakhova et al., 2022; Zevakhina 2022; Zevakhina, Sigdel, 2022; Zevakhina, Schipkova, в печати; Zevakhina, Rodina, в печати], и с другой стороны, – вариативность исследуемых прагматических явлений в отношении частотности их грамматических форм и лексических единиц в корпусных исследованиях [Zevakhina et al., 2017; Зевахина, 2018; Vishenkova, Zevakhina, 2019; Vilinbakhova et al., 2022; Zevakhina, Schipkova, в

печати]. И в том, и в другом случае применяются статистические методы к языковым (экспериментальным и корпусным) данным.

Есть еще два сюжета, которые объединяют исследования, собранные в настоящей работе. Оба являются синтаксическими и относятся к сфере «взаимодействия» синтаксиса и прагматики (которая отчасти исследуется и в «междисциплинарной» прагматике). Первый сюжет – это линейный порядок следования элементов в предложении. Здесь имеется в виду порядок следования подчиненной и матричной клауз [Зевахина и др., 2021], порядок следования местоимений на левой периферии клаузы [Zevakhina, Sigdel, 2022], порядок следования клауз условных предложений [Zevakhina, Prigorkina, 2021]. Второй сюжет – это явления сложноподчиненных предложений, а именно: пресуппозитивные триггеры в независимых и сложноподчиненных клаузах [Zevakhina, Rodina, в печати], вопросительные местоимения в независимых и сложноподчиненных клаузах [Zevakhina, 2013; Zevakhina, 2016; Зевахина, 2018a], сравнительные формы наречий в металингвистических сравнительных сложноподчиненных предложениях [Zevakhina et al., 2017; Zevakhina, Schipkova, в печати], отрицание и условные союзы в условных сложноподчиненных предложениях [Zevakhina, Prigorkina, 2021; Zevakhina, 2022].

В работе есть исследования, направленные на изучение явлений именно русского языка. Это, прежде всего, касается работ, выполненных в рамках «взаимодействия» прагматики и грамматики, см. [Зевахина, 2015; Зевахина, 2018a; Zevakhina et al., 2017; Vishenkova, Zevakhina, 2019; Zevakhina, Sigdel, 2022; Zevakhina, Schipkova, в печати] и раздел 3. Есть и исследования, в которых используется материал русского языка как одного из естественных языков, обладающих определенными свойствами (например, преноминальная позиция числительных и прилагательных цветообозначений). Это касается, прежде всего, работ, выполненных в рамках «междисциплинарной» прагматики, см. [Zevakhina, Prigorkina, 2021; Zevakhina et al., 2021] и раздел 2. В ряде исследований похожим образом задействован материал английского и чувашского языков, см. [Van Tiel et al., 2016; Vilinbakhova et al., 2022; Зевахина и др., 2021]. В исследовании [Zevakhina, 2022] на материале русского языка изучаются как общие свойства естественного языка, так и свойства, специфические для русского языка (употребление союзов *если* и *раз*).

Цель предлагаемой работы состоит в том, чтобы восполнить лакуны ряда исследовательских областей лингвистической прагматики, во-первых, проведя количественные исследования с помощью экспериментальных, корпусных и статистических методов сбора и анализа языковых

данных, и во-вторых, предложив, как полученные данные встраиваются в существующие подходы к изучению релевантных исследовательских областей. Это определяет актуальность работы для лингвистической прагматики.

Новизна работы заключается в следующем. Впервые изучен вопрос влияния таких факторов, как отрицание, комиссивные речевые акты, порядок клауз и степень мотивации слушающего, на порождение импликатур в условных предложениях (на примере русского языка), см. раздел 2.1.1. Кроме того, впервые изучен вопрос влияния таких факторов, как веридикативность и причинно-следственное отношение, на порождение импликатур в русских условных предложениях, вводимых союзами *если* и *раз*, см. раздел 2.1.2. Более того, (на примере русского языка) впервые исследован вопрос избыточного употребления числительных, обозначающих размеры малых множеств (от 2 до 4), которые обладают высокой степенью выделенности (*salience*) в языке с преминальной постановкой числительных, что связано с суббитизацией (*subitizing*), т.е. мгновенным восприятием, размеров малых множеств, см. раздел 2.2. До нашего исследования считалось, что только цвет обладает высокой степенью выделенности [Belke, Meyer, 2002; Koolen et al., 2011; Koolen et al., 2013; Tarenskeen et al., 2015; Livingstone, Hubel, 1988; Rubio-Fernández, 2016]. Далее, впервые определен круг матричных предикатов и изучены грамматические свойства подчиненных предложений с восклицательной интерпретацией русского языка, а также впервые изучен вопрос влияния таких факторов, как порядок местоимений, наличие сочинения, синтаксический статус, на интерпретацию вопросительных и восклицательных предложений с несколькими местоимениями русского языка, см. раздел 3.1. Наконец, впервые исследованы грамматические свойства металингвистических сравнительных предложений русского языка, см. раздел 3.2.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие научные положения:

- 1) Порождение импликатур в условных предложениях определяется тем, какой комиссивный речевой акт и какой вид полярности представлен в условном предложении, а также порядком следования клауз условного предложения.
- 2) Веридикативность и причинно-результативное отношение играют ключевую роль в порождении импликатур и следствий условных высказываний. Веридикативно однородные *если*-предложения порождают больше импликатур и больше логических следствий, чем веридикативно неоднородные *раз*-предложения. Причинные *раз*-предложения порождают больше импликатур и меньше следствий, чем диагностические.

- 3) Числительные, обозначающие размеры малых множеств 2–4, избыточно употребляются в референциально-коммуникативной ситуации значительно чаще, чем прилагательные цветообозначений, что объясняется высокой степенью выделенности (*salience*) размеров малых множеств по сравнению с цветом, а выделенность определяется субитизацией множеств 2–4 (*subitizing*). При этом размеры малых множеств 2–4 в меньшей степени определяются контрастивностью визуального контекста, чем цвет.
- 4) В силу определенных морфосинтаксических, лексических и интонационных средств, восклицательные (и оптативные) предложения являются миноритарными иллюкутивными типами предложений русского языка.
- 5) Матричные предикаты русского языка, принимающие в качестве своих аргументов подчиненные клаузы с восклицательной интерпретацией, имеют ряд лексических и грамматических особенностей.
- 6) Множественные (*pair-list*) интерпретации более предпочтительны, чем единичные, в сочиненных и несочиненных вопросительных клаузах и в несочиненных восклицательных клаузах русского языка. Эффект превосходства не влияет на интерпретацию вопросительных клауз. Эффект превосходства и синтаксический статус местоименной группы не влияет на интерпретацию восклицательной клаузы.
- 7) Металингвистические сравнительные предложения русского языка включают определенный набор прагматикализованных сравнительных форм и обладают рядом (прежде всего) грамматических свойств, отличных от свойств стандартных сравнительных предложений. В частности, каждая прагматикализованная сравнительная форма обладает своей синтаксической дистрибуцией.
- 8) Асимметричные металингвистические сравнительные предложения русского языка обладают рядом грамматических свойств, отличных от аналогичных симметричных предложений, подразделяются на три вида и их грамматичность варьируется в зависимости от сочетания с той или иной прагматикализованной сравнительной формой.

## **2. «Междисциплинарная» прагматика**

В разделе 2.1 представлены результаты экспериментальных исследований, посвященных интерпретации недоинформативных высказываний, которые имеют синтаксис условных предложений и в которых порождаются количественные импликатуры *Conditional Perfection*. В

разделе 2.2 изучаются факторы, которые влияют на порождение сверхинформативных высказываний, содержащих размеры малых множеств (от 2 до 4), больших множеств и цвета.

## 2.1 Интерпретация недоинформативных условных высказываний, вызывающих импликатуры

Статьи, выносимые на защиту: [Zevakhina, Prigorikina 2021; Zevakhina 2022].

Недоинформативные высказывания (*underinformative utterances*) – это высказывания, которые, на первый взгляд, содержат меньше информации, чем требуется для конкретного момента коммуникации. Однако они не нарушают под-максиму максимы количества / информативности (*Quantity maxim*) в теории Грайса [Grice, 1975], потому что регулируются прагматическими механизмами, а именно импликатурами. Количественные импликатуры – это импликатуры, порождающиеся с помощью максимы количества, см. подробнее в [Долгоруков и др., 2021]. Самый известный пример количественных импликатур – скалярные импликатуры, см. [Van Tiel et al., 2016]. Другой пример количественных импликатур – импликатуры, порождающиеся в условных предложениях: высказывание *If p, q ~>* импликатура *If not p, not q*. Важно отметить, что этот вид импликатуры отличается от логического следствия (*logical entailment*): *If p, q ~> If not q, not p*. Импликатуры в условных предложениях называются *Conditional Perfection*, см. [Geis, Zwicky, 1971]. Предположим, говорящий произнес (1). Слушающий может рассуждать так: поскольку говорящий следует Принципу кооперации и максимам общения, произнося (1), он, возможно, имел намерение передать больше информации, чем буквальное значение высказывания, т.е. он мог иметь в виду (2).

(1) *Если ты подстрижешь газон, я дам тебе 5 долларов.*

(2) *Если ты не подстрижешь газон, я не дам тебе 5 долларов.*

Значение, передаваемое (2), состоит в том, что единственный способ получить 5 долларов – это выполнить действие, обозначенное в антецеденте (т.е. в протазисе) условного предложения. Если бы были альтернативные способы получить пять долларов (вымыть посуду, сделать уборку, сходить в магазин и т.д.), которых бесконечное количество, говорящий бы сообщил об этом (например, его высказывание содержало бы соответствующие пропозиции в антецеденте). Но раз эти способы не были произнесены, значит, говорящий, скорее всего, не имел их в виду.

Так возникает взаимно-однозначная интерпретация (biconditional interpretation) высказывания (3).

(3) *Только если ты подстрижешь газон, я дам тебе 5 долларов.*

В литературе было предложено несколько теоретических подходов к изучению этой дополнительной интерпретации: подход усиливающей интерпретации [Atlas, Levinson, 1981; Horn, 2000], скалярно-импликатурный подход [Matsumoto, 1995; Van der Auwera, 1997], количественно-импликатурный подход [Geurts, 2010], подход исчерпывающей интерпретации [Von Stechow, 2001], см. обзор этих подходов в [Franke, 2009; Farr, 2011; Moldovan, 2013; Herburger 2015]. Общепринятой является точка зрения, согласно которой импликатуры условных предложений относятся к количественным импликатурам [Van Tiel, Schaeken, 2016: p. 10]. Являются ли такие импликатуры нормативно возникающими умозаключениями, как считали авторы работы [Geis, Zwicky, 1971]? В [Van Tiel, Schaeken, 2016] было показано, что эти импликатуры не представляют собой трудозатратное когнитивное явление, поскольку подразумевают структурно обусловленные альтернативные высказывания.

Импликатуры условных предложений имеют много общего с отрицанием антецедента (denial of the antecedent), разновидностью силлогического рассуждения. Схематически его можно представить так:

(3) Посылка: (If p, q) & (not p)

Вывод: not q

Логическое следствие напоминает рассуждение от противного (modus tollens), другую разновидность силлогического рассуждения. Схематически его можно представить так:

(4) Посылка: (If p, q) & (not q)

Вывод: not p

В [Evans, Handley, 1999; Oaksford et al., 2000] было выявлено взаимодействие отрицания антецедента и полярности: отрицание антецедента в большей степени оценивается положительно, если вывод отрицательно поляризован. Этот эффект получил название отклонения в сторону отрицательного вывода (negative conclusion bias) и объясняется эффектом двойного отрицания (double negation effect), который возникает в выводе (*not not q* эквивалентно *q*) и который замедляет время чтения и/или время реакции, см. [Evans, Newstead, 1977; Schroyens et al., 1999].

Условные предложения могут передавать различные речевые акты, в т.ч. обещания (см. (1)) и угрозы (*Если ты уволишься, я отменю нашу свадьбу*). В прагматике оба вида предложений относятся к побуждениям и, говоря шире, к комиссивам [Searle, 1979; Searle, Vanderveken, 1985], или к комиссивным условным предложениям [Franke, 2009]. Несмотря на категориальную схожесть, эти речевые акты имеют ряд различий: обязательство vs. отсутствие обязательства для говорящего, награда vs. наказание для слушающего, (не)возможность дизъюнктивных парафраз [Fillenbaum, 1975, 1976, 1977; Verbrugge et al., 2004]. Обещания и угрозы, имеющие вид условных предложений, порождают схожее количество импликатур [Fillenbaum, 1975]. Однако отрицание антецедента больше свойственно угрозам, чем обещаниям [Fillenbaum, 1978].

### **2.1.1 Отрицание, речевые акты, порядок клауз и степень мотивации в условных предложениях**

В нашей работе [Zevakhina, Prigorikina, 2021] исследуется влияние ряда факторов на порождение импликатур: отрицание в антецеденте и/или консеквенте (*If p, q vs. If not p, q vs. If p, not q vs. If not p, not q*); комиссивные речевые акты (обещания vs. угрозы); порядок клауз (*If p, q vs. q, if p*); степень мотивации (incentive) слушающего (не) выполнить действие, обозначенное в антецеденте условного предложения (низкая vs. высокая степень мотивации).

На основании изложенного в начале раздела 2.1 мы формулируем следующие гипотезы:

- 1) Гипотеза отрицательного консеквента: условные предложения с отрицательными консеквентами способствуют большему порождению импликатур, чем предложения с положительными консеквентами.
- 2) Гипотеза двойного отрицания: оценка импликатурного прочтения (предложения) с двойным отрицанием подразумевает более долгое время реакции, чем оценка импликатурного прочтения (предложения) без него.
- 3) Гипотеза отсутствия влияния вида комиссива на порождение импликатур: обещания и угрозы порождают импликатуры в схожей степени.
- 4) Гипотеза порядка клауз: прямой порядок способствует большему порождению импликатур и обрабатывается быстрее, чем обратный. Эта гипотеза основывается на том, что прямой порядок клауз (*If p, q*) обрабатывается быстрее, чем обратный (*q, only if p*) [Evans, Newstead, 1977], что объясняется принципом иконичности и максимой способа Грайса. Кроме того, прямой порядок более частотен, чем обратный: ср. 86% vs.

14% для прямого и обратного порядка условных предложений русского языка [Пекелис, 2017].

- 5) Гипотеза мотивации слушающего: высокая степень мотивации, в отличие от низкой, способствует порождению импликатур (ср. обещания: *Если ты будешь работать, я оплачу тебе курсы* vs. *Если ты считаешь книгу, я выключу радио*).

Результаты нашей работы показали, что порождение импликатур условных предложений напрямую не зависит от вида комиссивного речевого акта. Это согласуется с результатами работы [Fillenbaum, 1975]. Тем не менее, порождение импликатур условных предложений зависит от взаимодействия видов речевых актов и полярности. С одной стороны, обещания представляют собой однородный класс, поскольку порождение импликатур схоже во всех видах полярности. С другой стороны, угрозы образуют неоднородный класс. Так, умозаключение *If not p, q* из высказывания *If p, not q* приводит к значительно более низким процентным показателям импликатур и является более времязатратным, чем другие виды умозаключений. Это подтверждает два эффекта: отклонение в сторону отрицательного вывода (т.е. подтверждает гипотезу отрицательного консеквента) и эффект двойного отрицания. Напротив, умозаключение *If p, q* из высказывания *If not p, not q* приводит к значительно более высоким процентным показателям импликатур. Это свидетельствует об эффекте параллельного двойного отрицания (parallel double negation effect). Кроме того, обратный порядок клауз вида *q, if p* обрабатывается медленнее, чем прямой порядок клауз вида *If p, q*, что согласуется с результатами работы [Evans, Newstead, 1977], однако различие между процентами порождения импликатур для разных порядков незначимо. Роль мотивации довольно умеренная. Результаты косвенно подтверждает гипотезу [Van Tiel, Schaeken, 2016] о том, что импликатуры условных предложений представляют собой структурно обусловленные альтернативные высказывания и поэтому не являются трудозатратными.

### **2.1.2 Веридикативность и причинно-результативное отношение в условных предложениях, вводимых союзами *если* и *раз***

(Не)веридикативность условных предложений представляет собой континуум и определяется условными союзами [Liu, 2019]. Мы исследуем эту тему в отношении русских условных предложений, вводимых союзами *если* и *раз* [Zevakhina, 2022]. Для краткости в дальнейшем – *если*-предложения и *раз*-предложения.

Русский союз *раз* – веридикативный оператор в терминах работ [Giannakidou, Mari 2016, 2018, 2021], аргументы которого – антецедент и консеквент условного предложения *If p, q*. Пропозиция *p* истинна в реальном мире, и антецедент выражает объективную веридикативность. При этом миры, в которых пропозиция *q* истинна, имеют бóльшую вероятность, чем миры, в которых она ложна. Например, антецедент предложения (5) объективно истинен, и поэтому вероятность истинности консеквента высокая.

(5) *Раз был сильный ветер, листья в парке лежат на земле.*

Русские союз *если* демонстрирует неверидикативное равновесие (non-veridical equilibrium). Его аргументы – антецедент и консеквент – оба объективно неверидикативны. Другими словами, вероятность того, что пропозиция *p* истинна или ложна, одинакова; то же касается пропозиции *q*. Например, предложение (6) выражает условие/предположение: если предположить, что был сильный ветер, листья в парке лежат на земле.

(6) *Раз был сильный ветер, листья в парке лежат на земле.*

Несмотря на контраст в отношении веридикативности, антецеденты и консеквенты *раз-и-если*-предложений могут передавать как причину, так и результат. Согласно работам [Jordanskaya, 1988; Пекелис, 2017], *раз*-предложения обладают свойствами причинных и условных предложений. Так же, как и подчиненные предложения с союзами *так как* и *поскольку*, антецеденты *раз*-предложений веридикативны. Однако в отличие от предложений с союзами *так как* и *поскольку*, антецеденты *раз*-предложений могут выражать как причину, так и результат. Ср. (7а) – (7г).

(7а) {*Раз/если*} *был сильный ветер* (причина), *листья в парке лежат на земле* (результат).

(7б) {*Раз/если*} *листья в парке лежат на земле* (результат), *был сильный ветер* (причина).

(7в) {*Так как/поскольку*} *был сильный ветер* (причина), *листья в парке лежат на земле* (результат).

(7г) {*\*Так как/\*поскольку*} *листья в парке лежат на земле* (результат), *был сильный ветер* (причина).

В литературе по психологии рассуждений вид предложений *Если причина, результат* называется причинно-условным, а вид предложений *Если результат, причина* – диагностически-условным [Evans et al., 2007; Douven, Verbrugge, 2010; Fernbach et al., 2011]. На материале обоих видов предложений в литературе были проведены экспериментальные исследования, которые подтверждают гипотезу условной вероятности (conditional probability hypothesis):  $P(\text{if } p, \text{ then } q) = P(q|p)$  [Ramsey, 1931]. Согласно гипотезе, вероятность всего условного высказывания – это вероятность консеквента при условии антецедента. Наивные

носители языка принимают антецедент как гипотетически истинное условие и рассматривают, истинно ли соответствующее утверждение в консеквенте. Эта гипотеза отчасти напоминает мысль Р. Столнейкера [Stalnaker, 1968, 1970], одного из столпов современной теоретической прагматики: среди миров, где антецедент истинен, истинность консеквента оценивается в том мире, который минимально отличается от реального. Эта гипотеза легла в основу предположительной теории условных предложений (suppositional theory of conditionals) [Evans et al., 2003, 2007; Over et al., 2007]: чтобы принять условное высказывание как истинное, нужно вообразить, что антецедент истинен, и оценить степень своего принятия истинности консеквента. Оценка истинности напоминает субъективную веридикативность, о которой см. подробнее [Giannakidou, Mari 2016, 2018, 2021]. Различаются субъективная и объективная веридикативность. Предложение *Иван – лингвист* может быть субъективно веридикативным (говорящий верит, что оно истинно, но оно необязательно истинно в реальном мире), но объективно неверидикативным (обе ситуации возможны в реальном мире: Иван – лингвист, и Иван – не лингвист). В случае объективно неверидикативного *если*-предложения слушающий может верить в то, что говорящий принимает антецедент как субъективно веридикативный и рассматривает консеквент и целое условное высказывание как субъективно веридикативные. В случае объективно веридикативного антецедента и высоковероятного консеквента *раз*-предложения слушающий может верить, что говорящий считает антецедент субъективно веридикативным и оценивает консеквент и целое условное высказывание тоже как субъективно веридикативные.

Важно отметить, что предположительная теория условных предложений верна в отношении различных семантических видов следующих предложений: причинных и диагностических, изъявительных и сослагательных, контрафактических и неконтрафактических [Evans et al., 2007; Over et al., 2007]. Однако здесь есть одна лакуна: диагностические сослагательные контрафактические условные предложения. Безотносительно вышерассмотренных теорий в [Schulz, 2007] утверждается, что такие предложения семантически аномальны. В русском подобные предложения возможны только с союзом *если бы*, но не *раз бы*, ср. (8а) и (8б).

(8а) {#Если бы/\*раз бы} листья в парке не лежали на земле (результат), сильного ветра бы не было (причина).

(8б) {Если бы/\*раз бы} сильного ветра не было (причина), листья в парке не лежали бы на земле (результат).

Условный союз *если бы* – объективно антиверидикативный оператор в терминах [Giannakidou, Mari 2016, 2018, 2021]. Его аргументы, антецедент  $p$  и консеквент  $q$ , являются контрафактическими. Антецедент пресуппозитирует истину  $\neg p$ : так, в реальном мире истинно,

что был сильный ветер. Консеквент пресуппозитивует истину  $\neg q$ : в реальном мире листья лежат на земле.

В нашем исследовании [Zevakhina, 2022] были сформулированы и апробированы с помощью двух экспериментов следующие гипотезы. Во-первых, веридикативно однородные *если*-предложения будут порождать больше импликатур и больше следствий, чем веридикативно неоднородные *раз*-предложения. Во-вторых, основываясь на [Evans et al., 2007], можно выдвинуть гипотезу о том, что причинные и диагностические *если*-предложения будут порождать сопоставимое количество импликатур и следствий. В-третьих, следуя [Schulz, 2007], можно предположить, что причинные *раз*-предложения будут порождать больше импликатур и меньше следствий, чем диагностические. Все гипотезы были подтверждены. Импликатуры условных предложений имеют высокие проценты в различных видах предложений, что подтверждает идею [Van Tiel, Schaeken, 2016] о том, что такие импликатуры – структурное и конвенционализованное явление.

Любопытно отметить, что следствия были оценены как истинные далеко не в 100%, что подтверждает идею о том, что даже в следствиях делаются ошибки [Evans, Handley, 1999; Oaksford et al., 2000]. Оба фактора (веридикативность и причинно-результативное отношение) играют роль в порождении импликатур и следствий условных высказываний. Результаты нашего исследования свидетельствуют о типологической однородности в порождении импликатур и следствий в объективно неверидикативных условных предложениях независимо от того, какой вид причинно-результативного отношения наблюдается в антецедентах и консеквентах. В отличие от изъявительных предложений, в веридикативно неоднородных сослагательных контрафактических предложениях рассуждение от причины к результату более приемлемо, чем рассуждение от результата к причине, что подтверждает теорию [Schulz, 2007]. Наконец, два условных союза – веридикативный оператор *раз* и неверидикативный оператор *если* – по-разному ведут в себя в отношении прагматических и логических умозаключений в условных предложениях, что вносит вклад в развитие обсуждаемой сейчас темы прагматики условных союзов [Liu, 2019].

## **2.2 Порождение сверхинформативных высказываний, содержащих обозначения размеры малых множеств**

Статьи, выносимые на защиту: [Zevakhina et al., 2021].

Сверхинформативные высказывания (*overinformative utterances*) – это высказывания, которые содержат больше информации, чем требуется для конкретного момента коммуникации. Однако они не нарушают под-максиму максимы количества/информативности в теории Грайса [Grice, 1975], потому что или содержат небуквальные информативные значения (как, например, тавтологии), или облегчают поиск референта в визуальном контексте в определенных побудительных высказываниях. Здесь речь пойдет о высказываниях второго рода, которые, согласно одному из подходов, представленных ниже, минимизируют усилия собеседников во время коммуникации и таким образом являются эффективными [Rubio-Fernández, 2016, 2019], а также [Clark, Schaefer, 1989].

Представим ситуацию, когда перед говорящим и слушающим находится одинаковый набор разноцветных предметов: синяя чашка, зеленая ложка и красная тарелка. Говорящий может минимально или избыточно описать нужный предмет, произнеся (9а) или (9б).

(9а) *Дай мне, пожалуйста, чашку.*

(9б) *Дай мне, пожалуйста, синюю чашку.*

Почему избыточное высказывание неаномально? В литературе было предложено два ответа на этот вопрос. Согласно подходу, ориентированному на говорящего [Pechmann, 1989], говорящий не задумывается над тем, какие свойства предмета специфицировать (т.е. называть), а какие нет; избыточность не является когнитивно-затратным процессом. Согласно подходу, ориентированному на слушающего, избыточность помогает слушающему идентифицировать предмет быстрее, точнее, а значит, делает коммуникацию эффективнее [Mangold, Pobel, 1988; Rubio-Fernández, 2016; Rubio-Fernández, 2021; Jara-Ettinger, Rubio-Fernández, 2022]. Цвет избыточно употребляется чаще, чем размер, материал, форма, узор, локация, ориентация [Mangold, Pobel, 1988; Belke, Meyer, 2002; Arts et al., 2011; Brown-Schmidt, Konopka, 2011; Gatt et al., 2013]. Контраст между цветом и другими свойствами может быть объяснен абсолютностью и выделенностью (*saliency*) цвета [Belke, Meyer, 2002; Koolen et al., 2011; Tarenskeen et al., 2015]. Абсолютность цвета означает, что говорящему нет необходимости сравнивать цвет предмета с цветами других предметов. Выделенность цвета означает, что цвет легко воспринимается [Livingstone, Hubel, 1988]. Оба фактора определяют избыточную спецификацию цвета в референциальной коммуникации. Цвет чаще избыточно специфицируется в полихромных, чем в монохромных визуальных контекстах [Belke, Meyer, 2002; Koolen et al., 2013; Rubio-Fernández, 2016]. Согласно работе [Brown-Schmidt, Konopka,

2011], такой признак, как количество предметов, также является абсолютным и выделенным, однако неясно, ведут ли себя все количества одинаково и, если нет, с чем это связано.

В [Rubio-Fernández et al., 2020; Long et al., 2021] приводятся экспериментальные свидетельства в пользу того, что высказывания конструируются и обрабатываются инкрементально, т.е. пошагово, см. также, с одной стороны, [Waldon, Degen, 2021; Yu et al., to appear] и, с другой стороны, [Wu, Gibson, 2021; Pechmann, 1989; Brown-Schmidt, Конорка, 2008]. Это определяется порядком слов: то, что линейно следует раньше, порождается и обрабатывается раньше. В частности, это означает, что английские прилагательные, занимающие позицию перед существительным (далее – преноминальные прилагательные), употребляются чаще, чем испанские прилагательные, занимающие позицию после существительного (далее – постноминальные прилагательные) [Rubio-Fernández, 2016, 2019; Rubio-Fernández et al., 2020].

Еще один параметр, заслуживающий внимания, – это постоянство выбранной стратегии избыточно или минимально описывать предмет [Tarenskeen et al., 2015]. Эта идея основана на работах [Brennan, Clark, 1996; Pickering, Garrod, 2004; Goodbeek, Krahmer, 2012], где было показано, что собеседники как бы заключают временную договоренность и используют лексические повторы при референции к одному и тому же объекту.

В литературе отмечалось, что подсчет количества предметов 1–4 (или даже 1–8) происходит быстро, точно и уверенно, в то время как количества предметов с 9 и далее таким свойством не обладают [Bourdon, 1908; Kaufman et al., 1949; Stevens, 1938; Thomas et al., 1999; Taves, 1941]. Это связано с когнитивной способностью человека мгновенно определять мощности (т.е. размеры) малых множеств. Эта способность называется суббитизация (subitizing), она противопоставляется подсчету мощностей больших множеств. Граница между малыми и большими множествами обсуждается в литературе. Не вызывает сомнений, что количества 1–4 принадлежат диапазону суббитизации, в то время как количества 5–8 во многом определяются индивидуальными особенностями, зависят от экспериментального дизайна и некоторых других факторов [Jensen et al., 1950; Chi, Klahr, 1975; Atkinson et al., 1976; Akin, Chase, 1978; Oyama et al., 1981; Mandler, Shebo, 1982]. Суббитизация одного предмета малого множества составляет 40–100 мс, в то время как подсчет одного предмета большого множества составляет 250–350 мс.

Суббитизация – фактор, определяющий выделенность размеров малых множеств и влияющий на их избыточную спецификацию в референциальной коммуникации. В литературе отмечается, что числительные, выражающие размеры множеств, имеют значение ‘точно n’ и значение ‘по

крайней мере  $n'$  [Papafragou, Musolino, 2003; Musolino, 2004; Breheny, 2008]. Общепринятая точка зрения состоит в том, что значение 'по крайней мере  $n'$  основное, в то время как значение 'точно  $n'$  формируется с помощью механизма скалярной импликатуры. Субитизация размеров малых множеств, по всей видимости, означает, что такие размеры имеют значения 'точно  $n'$  (абсолютные значения, не зависящие от контекста). Это свидетельствует о том, что размеры малых множеств похожи на цвет по признакам абсолютности и выделенности.

В [Zevakhina et al., 2021] было сформулировано несколько гипотез. Во-первых, размеры множеств 2–4 и цвет сверхспецифицируются (т.е. избыточно употребляются) в большей степени, чем размеры больших множеств. Эта гипотеза была подтверждена. Однако малые множества были избыточно употреблены значительно чаще, чем цвет. Во-вторых, в неконтрастивных контекстах как цвет, так и малые множества редко сверхспецифицируются. Однако оказалось, что малые количества были избыточно употреблены гораздо чаще, чем цвет. В-третьих, малые множества, предъявляемые в ускоренном режиме, сверхспецифицируются в той же степени, что и в неускоренном режиме. Эта гипотеза не была подтверждена, что было связано, видимо, со слишком коротким временем предъявления слайдов (200 мс). Все результаты свидетельствуют о том, что малые множества обладают высокой степенью выделенности по сравнению с цветом, что связано с их субитизацией.

### **3. Некоторые аспекты «взаимодействия» прагматики и грамматики**

«Взаимодействие» прагматики и грамматики можно понимать по-разному: (i) как способы выражения прагматических явлений в грамматике, или, формально говоря, прагматико-синтаксический интерфейс (interface) [Wiltschko, 2022]; (ii) как взаимовлияние (interaction) нескольких экспериментальных параметров [Федорова, 2020]. В этой связи в настоящей работе мы исследуем, с одной стороны, иллокутивные типы предложений вообще и восклицательные и вопросительные типы предложений в частности (см. раздел 3.1), а с другой стороны, металингвистические сравнительные предложения (см. раздел 3.2) – обе темы с точки зрения «взаимодействия» прагматики и грамматики в описанных выше двух значениях.

Во-первых, в разделе 3.1.1 с учетом опыта построения предыдущих классификаций иллокутивных типов предложений и на основании ряда лингвистических критериев предлагается классификация русских иллокутивных типов предложений. Кроме того, в разделе 3.1.2 рассматривается вопрос сохранения иллокуции в подчиненных предложениях, что, по

сути, подразумевает более сложный вопрос: представляют ли подчиненные предложения отдельные речевые акты? Если в философии языка [SEP; Green, 2021] этот вопрос не затрагивается (см. также скепсис в этом отношении в [Sauerland, 2004]), то в некоторых лингвистических подходах предлагается положительный ответ на этот вопрос [Krifka, 2014]. Мы придерживаемся более сдержанной точки зрения и говорим о подчиненных предложениях с восклицательной интерпретацией, а не, например, о подчиненных восклицаниях. Наконец, в разделе 3.1.3 исследуется психолингвистический аспект влияния ряда синтаксических факторов на интерпретации двух русских иллокутивных типов предложений: восклицательных и вопросительных.

Во-вторых, в разделе 3.2 исследуются грамматические способы выражения металингвистического, т.е. прагматического, сравнения, выражающего мнение (как правило) говорящего о том, что одна пропозиция является более предпочтительной / вероятной / прототипической, чем другая. Кроме того, изучается вопрос о том, чем метасравнительные предложения (например, *Архитектура больше искусство, чем наука*) грамматически отличаются от стандартных сравнительных (например, *Вася бежит быстрее, чем Ваня*). Наконец, исследуется вопрос влияния двух психолингвистических параметров на степень грамматической приемлемости метасравнительных предложений.

### **3.1 Иллокутивные типы предложений**

Статьи, выносимые на защиту: [Зевахина, 2015; Зевахина, 2018a; Zevakhina, Sigdel, 2022].

#### **3.1.1 Классификации иллокутивных типов предложений**

Предложенные Дж. Остином и Дж. Серлем классификации речевых актов, или речевых действий, до сих пор обсуждаются лингвистами. По каким критериям классифицировать предложения, которые соответствовали бы высказываниям, лежащим в основе речевых актов определенного вида? В работе [Зевахина, 2015] обсуждаются некоторые существующие классификации иллокутивных типов предложений, принятые в русистике и в типологической литературе, а также с учетом типологического опыта предлагается классификация иллокутивных типов предложений русского языка.

В русистике одни авторы признают три иллокутивных типа предложений: утвердительные, вопросительные и повелительные [Грамматика 1960; Падучева, 2014; Булыгина, Шмелев, 1997; Галкина-Федорук и др., 1958/2009; Литневская, 2006]. Согласно [Падучева, 2014], в каждом из трех иллокутивных типов предложений используется та или иная грамматическая иллокутивная модальность, т.е. выражение иллокутивной модальности с помощью грамматических средств, в первую очередь с помощью морфологического наклонения. Другие авторы выделяют четыре иллокутивных типа предложений: 1) утвердительные, вопросительные, повелительные и оптативные предложения [Грамматика 1980: § 1899]; 2) утвердительные, вопросительные, повелительные и восклицательные предложения [Пешковский, 1914/2001; Падучева, 1996], которые можно назвать экскламативными (exclamatives). В [Янко, 2001, 2008] предлагается различать пять речевых актов, имеющих «регулярные средства выражения»: сообщение, вопрос, императив, восклицание и обращение. Согласно типологическому подходу [Sadock, Zwicky, 1985; König, Siemund, 2007; 2013], наиболее распространенными иллокутивными типами предложений являются утвердительный, вопросительный и повелительный, которые характеризуются регулярностью способов выражения и высокой частотой встречаемости в языках мира. Наряду с тремя основными типами в некоторых языках есть и другие иллокутивные типы предложений – миноритарные (например, гортативные и прохибитивные). Авторы типологического подхода ставят в один ряд с финитными предложениями реплики, синтаксически не являющиеся целыми предложениями (например, *Воды!*; *Один чай, пожалуйста*; *Твоя очередь*).

В языке есть собственно иллокутивные конструкции (например, собственно вопросительные), которые выражают одну основную иллокутивную цель. Такая цель получила в литературе название сентенциальной силы (sentential force), [Chierchia, McConell-Ginet, 1990]. Несобственно иллокутивные конструкции могут быть употреблены и для выражения других иллокутивных целей, и тогда они оформляют косвенные речевые акты.

Излагаемая ниже концепция классификации иллокутивных типов предложений русского языка является альтернативной тем, что были рассмотрены выше, и во многом исходит из типологических представлений. Утвердительный тип предложения выделяется на основании суперсегментных средств, имеющих наименьший приоритет в иерархии средств. Изъявительное и сослагательное наклонения не являются смысловозначительными при выражении иллокутивной цели, поскольку используются как в утвердительных, так и в вопросительных предложениях (а также в экскламативных предложениях). Вопросительный тип предложения идентифицируется с помощью сегментных (лексических и синтаксических)

или интонационных средств (например, в общих вопросах без частицы *ли* комбинации ИК-1 на невопросительном компоненте и ИК-3 на вопросительном компоненте – *Вася пришел?*). Повелительный тип предложения выражается наиболее «сильным» средством, а именно повелительным наклонением. Восклицательные предложения в широком смысле (например, *Я сдал экзамен!*, *Выбери мне самую интересную книгу!* или *Ну когда же ты это сделаешь?!*), согласно [Янко 2001: 64], содержат либо интонационные и лексические, либо только интонационные средства выражения эмфазы. Но эмфаза, как и контраст, сочетается с коммуникативными компонентами утвердительных, вопросительных и повелительных предложений, вследствие чего говорят об эмфатических утвердительных, вопросительных и повелительных предложениях соответственно. Восклицательные предложения с местоимениями *какой*-серии могут быть отнесены к экскламативному иллокутивному типу на основании сегментных средств. Так, в предложении *Какой вечер теплый!* представлена особая синтаксическая структура – расщепленная именная группа с прилагательным. Интонационно экскламативы с местоимениями *какой*-серии выражаются, как правило, ИК-5, однако также встречается ИК-6 (например, *Какая у них машина!* (ИК-6)) и ИК-7 (например, *Какая (ИК-7) машина! Нет у них ничего!*). Отметим, что ИК-6 встречается и в вопросах, однако приходится на местоимение: ср. *Какая (ИК-6) у них машина?* (т.е. *Какая, вы говорили, у них машина?*), см. также [Грамматика 1980: §155]. Таким образом, ИК-6 и ИК-7 являются смыслоразличительными суперсегментными средствами для экскламативов и вопросов с *какой*-местоимениями. ИК-5 тоже может служить единственным маркером экскламативности в контексте этих местоимений, ср. *Какой вечер (ИК-5)!* vs. *Какой (ИК-2) вечер?*.

Обратимся теперь к оптативным предложениям, или предложениям со значением желательности. В [Грамматика 1980: §§1926–1936] наравне с сослагательным наклонением выделяется желательное наклонение, ср. также желательное значение сослагательного наклонения [Добрушина, 2012]. Оно образуется на базе сослагательного (частица *бы* + глагол в форме прошедшего времени) и с помощью дополнительных частиц или наречий (*если бы, пусть бы, вот бы, хоть бы, хорошо бы* и др.), однако их употребление не является строго обязательным: ср. *Был бы он сейчас в Москве!*. Оптативные предложения не обладают особыми суперсегментными средствами и употребляются с ИК-2 и ИК-5: *Если бы сын учился (ИК-2)!*; *Если (ИК-5) бы сын учился! (...)*.

В типологической литературе не раз отмечалось, что оптативные предложения в языках мира, как правило, образуются в результате эллипсиса главной клаузы. Другими словами, синтаксически зависимая клауза изначально употребляется как независимая. Это наблюдение

было сформулировано как гипотеза синтаксического расподчинения (insubordination hypothesis), см. [Evans, 2007], а также [Grosz, 2011]. В этом отношении примечательно, что образование восклицательных предложений в языках мира, как правило, происходит по тому же сценарию: ср. хотя бы синтаксис английского восклицательного предложения *How tall he is!*, который аналогичен синтаксису зависимой клаузы косвенного вопроса, например, *You would not believe how tall he is!* [Zevakhina, 2013, 2016]. Гипотеза Э. Кёниха состоит в том, что миноритарные типы предложений (такие как восклицательный или оптативный) могут образовываться в результате независимого употребления зависимой клаузы. В этой связи становится понятным отнесение целого набора нефинитных (эллиптических) структур [Sadock, Zwicky, 1985; König, Siemund, 2007] к миноритарным типам предложений. Таким образом, мы полагаем, что оптативные и восклицательные предложения русского языка являются иллокутивными типами предложений, пусть и миноритарными.

### 3.1.2 Сложноподчиненные предложения с восклицательной интерпретацией

В работах [Zevakhina, 2016; Зевахина, 2018a] обсуждается синтаксическая подчинимость одного из иллокутивных типов предложений, а именно восклицательного типа предложения. Что представляют собой предложения (10)–(13): подчиненные восклицательные клаузы (восклицательные) или подчиненные вопросительные клаузы (интеррогативы)?

(10) *Если бы вы видели, с каким восторгом хозяйка рассказывала его 150-летнюю историю!* (НКРЯ; Щербатов-Коломин 2004)

(11) *Вы даже не представляете, кто приходит ко мне на поклон!* (НКРЯ; Снегирев 2015)

(12) *Удивляюсь, с какой остротой и как полно пронес через жизнь Миронов все богатство своих детских впечатлений!* (НКРЯ; Миронов 1999)

(13) *Трудно рассказать, какое ликование поднялось в Тиме!* (НКРЯ; Крапивин 1979)

Согласно [Elliott, 1974; Grimshaw, 1979; Zanuttini, Portner, 2003; Koenig, Siemund, 2013], перед нами подчиненные восклицательные, которые обладают теми же семантико-синтаксическими признаками, что и независимые восклицательные. Согласно [Huddleston, 1993; d’Avis, 2002; Abels, 2005; Sæbø, 2010; Rett, 2011], эти предложения – подчиненные интеррогативы. Дискуссия между приверженцами указанных выше точек зрения ведется вокруг следующих тем.

Во-первых, типологически существует асимметрия между подчиненными и независимыми предложениями в отношении грамматичности местоимений (matrix-embedded asymmetry):

местоимения со значениями ‘какой’, ‘как’ и ‘сколько’ возможны в обоих видах предложений, местоимения ‘что’/‘кто’/‘где’ > ‘когда’ > ‘почему’ образуют имплицативную иерархию, а местоимения ‘который’, ‘какого рода’, ‘как’ (способ действия) невозможны в этих предложениях [Zevakhina, 2016], более полный список местоимений для русского языка в независимых экскламативах см. в [Vishenkova, Zevakhina, 2019]. В [Koenig, Siemund, 2013; Siemund, 2015] предлагается следующий диахронический путь появления независимых экскламативов, который объясняется гипотезой расподчинения (insubordination hypothesis), выдвинутой в работе [Evans, 2007]: независимые экскламативы возникли вследствие расподчинения ряда подчиненных интеррогативов.

Во-вторых, верно ли, что матричные предикаты представляют большое разнообразие в лексическом отношении и у них есть грамматические ограничения? На основании анализа примеров из разных языков нам удалось установить, что матричные предикаты только следующих четырех лексико-семантических классов допускают восклицательное прочтение подчиненных клауз [Zevakhina, 2016; Зевахина, 2018a; Zevakhina and Dainiak 2017]: эмотивные (‘удивляться’, ‘поражаться’), перцептивные (‘смотреть’, ‘слушать’), ментальные (‘знать’, ‘думать’), речевые (‘говорить’). Грамматические формы таких матричных предикатов должны быть фактивны, т.е. должны принимать в качестве аргументов только такие клаузы, пропозиции которых истинны [Elliott, 1974; Grimshaw, 1979]. Не любой грамматический контекст таких предикатов допускает восклицательное прочтение подчиненной клаузы: # *Ты не знаешь, какой он умный!*.

Соответственно, такие подчиненные клаузы мы называем подчиненными клаузами с восклицательной интерпретацией, т.к. восклицание лишено вопросительной прагматики, а предложение, состоящее из матричной клаузы и подчиненной клаузы с восклицательной интерпретацией, мы называем сложноподчиненными предложениями с восклицательной интерпретацией.

На материале данных НКРЯ были проанализированы лексико-семантические и грамматические характеристики матричных предикатов подчиненных клауз с восклицательной интерпретацией и с местоимениями *какой*, *кто* и *сколько*. Наиболее частотные грамматические формы для перцептивных предикатов – императивы *смотри* и *посмотри*, а также вопрос *видишь?*. Наиболее частотные грамматические формы для ментальных предикатов – *сам знаешь*, *знаешь?*, *представляешь?*, *если бы ты знал!* и *ты не представляешь*. Нельзя сказать, что эмотивные предикаты частотны. Наиболее частотным является предикатив *удивительно*.

Речевые предикаты очень редки. Кроме того, были выявлены устаревшие формы: *нельзя себе представить, пойми(те), нельзя рассказать*. Отдельную группу образует предикат *найти* [Зевахина, 2018б].

Перцептивные и ментальные предикаты в сочетании с экскламативами представлены большим разнообразием лексических единиц и грамматических контекстов, чего нельзя сказать об эмотивных и речевых предикатах. Кроме того, ряд лексем и грамматических контекстов перцептивных и ментальных предикатов имеют относительно высокую частотность в корпусе, в то время как эмотивные и речевые предикаты редки. Любопытно отметить, что редкость эмотивных предикатов в русском языке противоречит типологическому ожиданию. Изучаемые конструкции свойственны диалогизированной речи (см. интерпретацию этого факта в терминах грайсианской прагматики в [Zevakhina, Dainiak, 2017]). С синтаксической точки зрения возможен слусинг. Грамматические формы матричных предикатов употребляются с местоимениями при эллиптированной подчиненной клаузе, см. (14). Такие конструкции функционируют как амальгамы в терминах [Тестелец, Былинина, 2005].

(14) *Я построил смотри какой дом.*

С просодической точки зрения в независимых экскламативах реализуется ИК-5, ИК-6 и ИК-7 [РГ 1980, т. 1: § 168–170; Янко 2001: 43, 97–98; 2008: 31]. В ряде случаев можно говорить о семантической «непрозрачности» предиката: *смотри, посмотри, понимаешь, слушай, послушай, подумаешь, подумай, подумать только, знаешь*. Наконец, в отличие от предикатов *спросить/спрашивать*, предикаты *воскликать/воскликнуть* не могут принимать клаузы с вопросительными местоимениями в качестве своих сентенциальных актантов. Совокупность данных, приводимых в настоящей и предшествующих работах, свидетельствует в пользу гипотезы расподчинения. Гипотеза расподчинения не отвечает, однако, на вопрос о том, откуда появляется восклицательная интерпретация подчиненной клаузы. Можно предположить, что восклицательная интерпретация предложения возникает не от подчиненной клаузы, а от матричного предиката.

### **3.1.3 Вопросительные и восклицательные предложения с несколькими местоимениями**

Согласно [Rudin, 1988], языки различаются тем, в какую синтаксическую позицию передвигаются вопросительные группы и передвигаются ли вообще. В русском, как известно, вопросительные группы могут передвигаться на левую периферию, однако это не является

обязательным. При передвижении на левую периферию вопросительные группы возникает вопрос: есть ли определенный порядок их следования друг относительно друга? Этот порядок называется Эффектом превосходства (Superiority effect): *Who did what?* vs. *\*What did who do?* ‘Кто что делает?’. В литературе нет однозначного ответа на вопрос, наблюдается ли этот эффект в русском [Rudin, 1988; Rojina, 2011; Bosković, 1999, 2002; Stepanov, 1998; Scott, 2012]. Еще один параметр – это единичная vs. множественная интерпретация (single-pair vs. pair-list interpretation). В литературе до некоторых пор велась дискуссия о том, какой вид интерпретации представлен в русском [Bosković, 2001, 2002; Stepanov, 1998; Grebenyova, 2003; Rojina, 2011]. Как кажется, общепринята следующая точка зрения: множественные интерпретации возможны у несочиненных интеррогативов с несколькими местоимениями, а единичные – у сочиненных клауз [Kazenin, 2002; Griбанова, 2009], см. (15) и (16). Однако см. [Scott, 2012].

(15) *Кто какое блюдо взял?*

?? *Иван взял пиццу.* (единичная интерпретация)

*Иван взял пиццу, и Мария взяла пасту.* (множественная интерпретация)

(16) *Кто и какое блюдо взял?*

*Иван взял пиццу.* (единичная интерпретация)

?? *Иван взял пиццу, а Мария взяла пасту.* (множественная интерпретация)

На основании вышесказанного и асимметрии местоимений в подчиненных и независимых экскламативах, обнаруженной в работе [Zevakhina, 2016], в исследовании [Zevakhina, Sigdel, 2022] были сформулированы следующие гипотезы. В сочиненных интеррогативах единичные интерпретации более грамматичны, чем множественные (и это не было подтверждено), а в несочиненных – наоборот: единичные интерпретации менее грамматичны, чем множественные (было подтверждено). Множественные интерпретации более грамматичны, чем единичные, в сочиненных (не было подтверждено) и в несочиненных экскламативах (было подтверждено). Если местоимения имеют разные синтаксические статусы (аргументы vs. адьюнкты), то аргументные экскламативы более грамматичны, чем экскламативы, содержащие хотя бы один адьюнкт, независимо от их – единичной или множественной – интерпретации (не было подтверждено). В интеррогативах порядок местоимений, удовлетворяющий Эффекту превосходства, более грамматичен, чем порядок, его нарушающий (не было подтверждено). Результаты исследования показали, что оба вида интерпретаций уместны в русских интеррогативах и экскламативах. Множественные интерпретации более предпочтительны, чем единичные, в сочиненных и несочиненных интеррогативах. Множественные интерпретации

более предпочтительны в несочиненных экскламативах. Эффект превосходства не влияет на интерпретацию интеррогативов. Эффект превосходства и синтаксический статус местоименной группы не влияет на интерпретацию экскламативов.

### 3.2 Металингвистические сравнительные предложения

Статьи, выносимые на защиту: [Zevakhina et al., 2017; Zevakhina, Schipkova, в печати].

Металингвистические сравнительные предложения (далее МСП) – это предложения, в которых проводится сравнение между двумя пропозициями, и это сравнение передает чье-либо мнение (как правило, говорящего). По мнению субъекта, одна пропозиция является более вероятной / предпочтительной / прототипической (в зависимости от метакомпаратива), чем другая [Bresnan, 1973; McCawley, 1991; Embick, 2007; Sawada, 2007; Giannakidou, Stavrou, 2009; Morzycki, 2011; Giannakidou, Yoon, 2011; Goncharov, 2014; Herburger, Rubinstein, 2014; Sassoon, 2015; Goncharov, Irimia, 2018, 2020]. См. (17).

(17) *Иван скорее лингвист, чем математик.*

По мнению говорящего, пропозиция ‘Иван – лингвист’ более вероятна, чем пропозиция ‘Иван – математик’.

Подобные предложения названы металингвистическими, поскольку они оперируют на металингвистическом, или прагматическом, уровне, а не на собственно лингвистическом. Названы они так по аналогии с металингвистическим, или прагматическим, отрицанием [Horn, 1989; McCawley, 1991], см. (18) и (19).

(18) *Это не просто салат, а салат «Белые ночи».*

(19) *Это не /тест/, а /тэст/.*

МСП в той или иной степени исследованы на материале английского, болгарского, корейского, немецкого, новогреческого, румынского, французского, японского и русского. В работе [Zevakhina et al., 2017] исследуются грамматические особенности русских МСП с одиночными сравнительными формами (компаративами) *скорее*, *лучше*, *больше*, которые относятся к кодифицированной норме, и МСП с двойными сравнительными формами *скорее больше*, *больше скорее*, *скорее лучше*, которые в последнее время стали появляться в узусе, см. (20)–(25). Все они были образованы в результате прагматикализации (т.е. процесса закрепления за

определенными грамматическими формами определенных прагматических явлений) стандартных компаративов для передачи металингвистических значений.

(20) *Люди хотели скорее затемнить, чем раскрыть родословную.* (Аксенов 1997; НКРЯ)

(21) *Лучше дождаться хорошего предложения, чем соглашаться на плохое.* (Вишневецкая 2009; НКРЯ)

(22) *Для Крамника шахматы больше искусство, чем спорт.* (Зайцев 2004; НКРЯ)

(23) *Джордж Даниэлс скорее больше теоретик, нежели практик.* (horology.ru/)

(24) [...] *больше скорее от неожиданности, чем все-таки от страха.* (livejournal.com)

(25) *Ребенка скорее лучше выращивать в соответствии с его природой, чем воспитывать.* (livejournal.com)

Одиночные метакомпаративы похожи на стандартные компаративы тем, что имеют те же морфологические формы сравнения и сочетаются с *чем/нежели*-группами. Они отличаются от стандартных компаративов рядом свойств: 1) образуют только несклоняемые синтетические формы; 2) неграмматичны с Генитивом; 3) просодически не выделяются, и линейно следующее за ними слово содержит ударение; 4) обладают большей свободой в отношении линейной позиции, однако имеют тенденцию расположения в начале предложения; 5) обладают симметричными синтаксическими структурами. Свойства двойных метакомпаративов *скорее больше*, *больше скорее* и *скорее лучше* идентичны свойствам одиночных метакомпаративов *больше* и *лучше* соответственно, их элементы не могут быть отделены друг от друга. Между собой они тоже различаются. На материале НКРЯ, а также примеров из Яндекса удалось установить дистрибуцию метакомпаративов *скорее*, *больше* и их двойных коррелятов, которая покрывается синтаксическими группами AdjPs, AdvPs, NPs в Номинативе, PPs, VPs. Метакомпаратив *скорее* также сочетается с клаузами, NumPs, PredPs. Дистрибуция метакомпаратива *лучше* включает NPs в Номинативе и глагольные грамматические формы: 1 и 3 л. буд. вр. изъявит. накл., сосл. накл., 2 л. импер., *пусть*-импер.

Если в [Zevakhina et al., 2017] исследуются симметричные МСП (и симметричные метакомпаративы), т.е. обе части сравнения морфосинтаксически одинаковы (например, обе части оформлены как именные группы в Номинативе), то в [Zevakhina, Schipkova, в печати] изучаются асимметричные МСП (и асимметричные метакомпаративы). Например, в первой части (26) реализован императив, а во второй – инфинитив.

(26) *Лучше пойдёмте к озеру, чем здесь стоять.* (Скалон 1964; НКРЯ)

На материале НКРЯ было выявлено, что асимметричные метакомпаративы представляют собой маргинальное языковое явление и ранжируются по степени их регулярности и частотности в

сочетании с различными синтаксическими группами, принадлежащими разным частям речи, и их морфологическими формами: *лучше, скорее, больше*. Инфинитивы преимущественно имперфективные, в то время как финитные формы – преимущественно перфективные. Кроме того, были выделены 3 группы асимметричных МСП: биклаузальные с различными глагольными формами, бифразовые и клаузално-фразовые. В экспериментальном исследовании тестировались МСП с *лучше* и *скорее* и с инфинитивом во второй части. Такие предложения были оценены как полуграмматичные. *Лучше*-МСП были оценены как более грамматичные, чем *скорее*-МСП. Между предложениями с инфинитивом наблюдается статистически значимая вариативность. Результаты исследования позволяют создать более точное представление об асимметричных предложениях, которые также есть среди сочинительных и стандартных сравнительных предложений [Санников, 2008: 401, 391], ср.: *Книги мои и моего отца; Я чаще говорю с художниками, чем о художниках*.

#### 4. Заключение

В настоящей работе были исследованы некоторые аспекты лингвистической прагматики: недоинформативные и сверхинформативные высказывания, иллокутивные типы предложений, металингвистические сравнительные предложения.

В разделе 2.1 установлено, что на порождение импликатур в условных предложениях (Conditional Perfection) влияет то, какой комиссивный речевой акт (обещание или угроза) и какая полярность (положительная или отрицательная) представлены в условном предложении, а также то, каков порядок следования клауз условного предложения. Кроме того, выявлено, что веридикативность и причинно-результативное отношение влияют на порождение импликатур и логических следствий условных высказываний.

В разделе 2.2 показано, что числительные, обозначающие размеры малых множеств 2–4, избыточно употребляются в референциальной коммуникации значительно чаще, чем прилагательные цветообозначений. Причина кроется в том, что размеры малых множеств обладают большей выделенностью (salience), чем цвет, и их выделенность определяется субитизацией множеств 2–4 (subitizing). Кроме того, продемонстрировано, что размеры малых множеств 2–4 в меньшей степени зависят от контрастивности визуального контекста, чем цвет.

В разделе 3.1 анализ определенных морфосинтаксических, лексических и интонационных средств показал, что такие иллокутивные типы предложений, как экскламативные (и

оптативные) предложения, представляют собой миноритарные иллокутивные типы предложений русского языка. Кроме того, продемонстрировано, что матричные предикаты русского языка, принимающие в качестве своих аргументов подчиненные клаузы с восклицательной интерпретацией, имеют ряд лексических и грамматических особенностей. Наконец, выявлено влияние таких факторов, как сочинение, Эффект превосходства (Superiority effect), синтаксический статус местоименной группы, на наличие множественных (pair-list) и единичных (single-pair) интерпретаций у экскламативных и вопросительных клауз русского языка.

В разделе 3.2 показано, что метакомпаративы русского языка, возникшие в результате прагматикализации ряда стандартных компаративов, обладают рядом грамматических свойств, отличных от свойств стандартных компаративов, в частности каждый из них обладает своей синтаксической дистрибуцией. Более того, показано, что асимметричные метакомпаративы русского языка проявляют ряд грамматических свойств, отличных от аналогичных симметричных метакомпаративов, и подразделяются на три вида.

## Литература

- Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Галкина-Федорук, Е. М., Горшкова, К. В., Шанский, Н. М. Современный русский язык. Синтаксис. Учебное пособие. 2-е изд., М., 2009. (1-е изд. – 1958 г.)
- Грамматика русского языка (том II) / Под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
- Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П. Введение в лингвистическую прагматику: Учебник / Отв. ред. Н. А. Зевахина. М.: ЛЕНАНД, 2020.
- Добрушина, Н. Р. Сослагательное наклонение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
- Зевахина Н. А. К классификации иллокутивных типов предложений русского языка // Русский язык в научном освещении. Вып. 1. №29. 2015. С. 87–116.
- Зевахина Н. А. Сложноподчиненные предложения с восклицательной интерпретацией в русском языке. Русский язык в научном освещении. Вып. 36. №2. 2018а. С. 199–227.
- Зевахина Н. А. Конструкция «Нашел чем удивить!» // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной / Под общ. ред. Д. А. Рыжовой, Н. Р. Добрушиной, А. А. Бонч-Осмоловской, А. С. Выренковой, М. В. Кюсевой, Б. В. Ореховым, Т. И. Резниковой. М.: Лабиринт, 2018б. С. 290–301.
- Зевахина Н. А., Горнштейн Д. В., Егорова А. Д. Факторы, влияющие на проекцию пресуппозиций в чувашском языке: Экспериментальное исследование // Урало-алтайские исследования. № 40. 2021. С. 7–30.
- Иорданская, Л.Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами). *Russian Linguistics*. Vol. 12. №3. 239–267.
- Литневская, Е. И. Краткий теоретический курс для школьников. М.: Изд-во МГУ, 2006.
- Моррис, Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. Степанова. М., Радуга, 1983. С. 37–90.
- Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Падучева, Е. В. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.
- Пекелис, О. Е. Условные придаточные // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.
- Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Русская грамматика (в двух томах) / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
- Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: *Studia Philologica*, 2008.

Тестелец, Я. Г., Былинина, Е. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы // Доклад в Институте проблем передачи информации РАН. М., 2005.

Федорова, О.В. Психоллингвистика. М.: Буки-Веди, 2020.

Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Янко, Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Abels, K. Remarks on Grimshaw's clausal typology // Proceedings of Sinn und Bedeutung 9 / ed. by E. Maier, C. Bary, J. Huitink. 2005. P. 1–15.

Akin, O., Chase, W. Classification of three-dimensional structures. Journal of Experimental Psychology. Vol. 4. 1978. P. 397–410.

Arts, A., Maes, A., Noordman, L., Jansen, C. Overspecification in written instruction. Linguistics. Vol. 49. 2011. P. 555–574.

Atkinson, J., Campbell, F., Francis, M. The magic number  $4 \pm 0$ : a new look at visual numerosity judgements. Perception. 5. 1976. P. 327–334.

Atlas, J., Levinson, S. If-clefts, informativeness, and logical form // Radical pragmatics / ed. by P. Cole. 1981. Academic Press. P. 1–61.

*Austin, J. L. How to Do Things with Words. Oxford: University Press, 1962.*

Bailyn, J. The Case of Q // Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 12. Michigan Slavic Publications, Ann Arbor, 2004.

Belke, E., Meyer, A. Tracking the time course of multidimensional stimulus discrimination: analyses of viewing patterns and processing times during “same”-“different” decisions // European Journal of Cognitive Psychology. Vol. 14. 2002. P. 237–266.

Bosković, Ž. On multiple feature checking: Multiple wh-fronting and multiple headmovement // Working minimalism / ed. by S. D. Epstein and N. Hornstein. P. 159–188. Cambridge, MA: MIT press, 1999.

Bosković, Ž. On the interpretation of multiple questions // Linguistic variation yearbook. Vol. 1. 2001. P. 1–15.

Bosković, Ž. On multiple wh-fronting // Linguistic inquiry. Vol. 33. №3. 2002. P. 351–383.

Bourdon, B. Sur le temps nécessaire pour nommer les nombres // Revue de la Philosophie France et de l'étranger. Vol. 65. 1908. P. 426–431.

Breheny, R. A new look at the semantics and pragmatics of numerically quantified noun phrases // Journal of Semantics. Vol. 25. 2008. P. 93–139.

- Brennan, S., Clark, H. Conceptual pacts and lexical choice in conversation // *Journal of Experimental Psychology*. Vol. 22. 1996. P. 1482–1493.
- Bresnan, J. Syntax of the Comparative Clause Construction in English. *Linguistic Inquiry*. Vol. 4. №3. 1973. P. 275–43.
- Brown-Schmidt, S., Konopka, A. E. Little houses and casas pequeñas: Message formulation and syntactic form in unscripted speech with speakers of English and Spanish // *Cognition*. Vol. 109. №2. 2008. P. 274–280.
- Brown-Schmidt, S., Konopka, A. Experimental approaches to referential domains and the on-line processing of referring expressions in unscripted conversations // *Information*. Vol. 2. 2011. P. 302–326.
- Chi, M., Klahr, D. Span and rate of apprehension in children and adults // *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 19. 1975. P. 434–439.
- Chierchia, G., McConnell-Ginet, S. *Meaning and grammar: an introduction to semantics*. Cambridge MA: The MIT Press, 1990.
- Clark, H. H. *Using language*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.
- Clark, H. H., Marshall, C. R. Definite reference and mutual knowledge // *Elements of discourse understanding* / ed. by A. K. Joshi, B. Webber, I. A. Sag. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 10–63.
- Clark, H. H., Schaefer, E. F. Contributing to discourse // *Cognitive Science*. Vol. 13. 1989. P. 259–294.
- Clark, H. H., Schreuder, R., Buttrick, S. Common ground at the understanding of demonstrative reference // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 22. Issue 2. 1983. P. 245–258.
- Clark, H. H., Wilkes-Gibbs, D. Referring as a collaborative process // *Cognition*. Vol. 22. 1986. P. 1–39.
- D’Avis, F.-J. On the interpretation of *wh*-clauses in exclamative environments // *Theoretical linguistics*. Vol. 28. №1. 2002. P. 5–32.
- Davis, S. *Pragmatics. A reader*, Oxford: Oxford University Press, 1991. (Comprehensive collection of fundamental papers in pragmatics.)
- Douven, I., Verbrugge, S. The Adams family. *Cognition*. Vol. 117. 2010. P. 302–318.
- Elliott, D. Toward a grammar of exclamations // *Foundations of language*. Vol. 11. №2. 1974. P. 231–246.
- Evans, N. Insubordination and its uses // *Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations* / ed. by I. Nikolaeva. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 366–431.
- Evans, J., Newstead, S. Language and reasoning: A study of temporal factors. *Cognition*. Vol. 5. №3. 1977. P. 265–283.
- Evans, J., Handley, S. The role of negation in conditional inference // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 52. №3. 1999. P. 739–769.
- Evans, J., Handley, S., Over, D. Conditionals and conditional probability // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 29. 2003. P. 321–355.

- Evans, J., Handley, S., Hadjichristidis, C., Thompson, V., Over, D., Bennett, S. On the basis of belief in causal and diagnostic conditionals // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 60. №5. 2007. P. 635–643.
- Farr, M.-C. The presence of Conditional perfection Experimental evidence // *Proceedings of Sinn and Bedeutung*. Vol. 15. P. 225–239. Universaar Saarland University Press, 2011.
- Fernbach, P., Darlow, A., Sloman, D. 2011. Asymmetries in predictive and diagnostic reasoning // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 140. №2. P. 168–185.
- Fillenbaum, S. If: Some uses. *Psychological Research Psychologische Forschung*. Vol. 37. 1975. P. 245–260.
- Fillenbaum, S. Inducements: On the phrasing and logic of conditional promises, threats, and warnings // *Psychological Research Psychologische Forschung*. Vol. 38. P. 231–250.
- Fillenbaum, S. A condition on plausible inducements // *Language and Speech*. Vol. 20. №2. P. 136–141.
- Fillenbaum, S. How to do some things with IF // *Semantic factors in cognition* / ed. by J. W. Cotton, R. L. Klatzky. P. 169–214). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
- Franke, M. Signal to act: Game theory in pragmatics. 2009. Ph.D. thesis, University of Amsterdam.
- Gatt, A., Krahmer, E., Van Gompel, R., Van Deemter, K. Production of referring expressions: preference trumps discrimination // *Proceedings of the 35th Annual Conference of the Cognitive Science Society* / ed. by M. Knauff, M. Pauen, N. Sebanz, I. Wachsmuth. Austin, TX: The Cognitive Science Society, 2013. P. 483–488.
- Geis, M., Zwicky, A. On invited inferences // *Linguistic Inquiry*. Vol. 2. 1971. P. 561–566.
- Geurts, B. Communication as commitment sharing: speech acts, implicatures, common ground // *Theoretical Linguistics*. Vol. 45. 2019. P. 1–30.
- Giannakidou, A., Mari, A. Epistemic future and epistemic must: Nonveridicality, evidence, and partial knowledge // *Mood, aspect, modality revisited: New answers to old questions* / ed. by J. Blaszczak, A. Giannakidou, D. Klimek-Jankowska, K. Migdalski. Chicago: University of Chicago Press, 2016. P. 75–117.
- Giannakidou, A., Mari, A. A unified analysis of the future as epistemic modality: The view from Greek and Italian // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 36. 2018. P. 85–129.
- Giannakidou, A., Mari, A. Truth and veridicality in grammar and thought: Mood, modality, and propositional attitudes. Chicago: University of Chicago Press, 2021.
- Giannakidou, A. Stavrou, M. On Metalinguistic Comparatives and Negation in Greek // *Proceedings of the 2007 workshop on Greek Syntax and Semantics (MIT Working Papers in Linguistics 57)*. 2009. P. 57–74. Cambridge: MIT Press.
- Giannakidou, A., Yoon, S. The Subjective Mode of Comparison: Metalinguistic Comparatives in Greek and Korean // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 29. 2011. P. 621–55.
- Goncharov, J. Comparing propositional attitudes // *McGill Working Papers in Linguistics*. Vol. 24. №1. 2014. P. 17–36.

- Goncharov, J., Irimia, M. A. Epistemic comparatives: a cross-linguistic investigation // West Coast Conference on Formal Linguistics. Vol. 35. Cascadilla Proceedings Project. 2020. P. 169–176.
- Goncharov, J., Irimia, M. A. Epistemic comparatives and other expressions of speaker's uncertainty // Advances in formal Slavic linguistics. 2017. 75.
- Grebenyova, L. Interpretation of Slavic multiple wh-questions // Formal Approaches to Slavic Linguistics 12. P. 169–186. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2003.
- Green, M. Speech acts // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition) / ed. by E. Zalta. 2021.
- Gribanova, V. Structural adjacency and the typology of interrogative interpretations // Linguistic inquiry. Vol. 40. №1. 2009. P. 133–154.
- Grice, H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics, Speech Acts (Vol. 3) / ed. by P. Cole, J. Morgan. New York, NY: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Grimshaw, J. Complement selection and the lexicon // Linguistic inquiry. Vol. 1. №2. 1979. P. 279–326.
- Grosz, P. On the grammar of optative constructions. PhD dissertation. MIT, 2011.
- Herburger, E., Rubinstein, A. Is 'more possible' more possible in German? // Semantics and Linguistic Theory. Vol. 24. 2014. P. 555–576.
- Herburger, E. Conditional perfection: The truth and the whole truth // Proceedings of SALT 25. P. 615–635.
- Horn, L. A natural history of negation. Chicago: Chicago University Press, 1989.
- Horn, L. From if to iff: Conditional perfection as pragmatic strengthening // Journal of Pragmatics. Vol. 32. 2000. P. 289–326.
- Huddleston, R. Remarks on the construction “You won't believe who ED has married” // Lingua. Vol. 91. 1993. P. 175–184.
- Jara-Ettinger, J., Rubio-Fernández, P. The social basis of referential communication: Speakers construct physical reference based on listeners' expected visual search // Psychological Review. Vol. 129. №6. P. 1394–1413.
- Jensen, E., Reese, E., Reese, T. The subitizing and counting of visually presented fields of dots // Journal of Psychology. Vol. 30. 1950. P. 363–392.
- Kachakeche, Z., Futrell, R., Scontras, G. Word order affects the frequency of adjective use across languages // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. Vol. 43. 2021. P. 3006–3012.
- Kaufman, E., Lord, M., Reese, T. The discrimination of visual number // American Journal of Psychology. Vol. 62. 1949. P. 498–525.
- Kazenin, K. On coordination of wh-phrases in Russian. Ms., Tübingen University and Moscow State University, 2002.
- Koenig, E., Siemund, P. Speech act distinctions in grammar // Language typology and syntactic description. Cambridge, 2007. P. 276–324.

- Koenig, E., Siemund, P. Satztyp und Typologie // Satztypen des Deutschen / ed. by J. Meibauer, M. Steinbach, H. Altmann. Berlin, 2013. P. 846–873.
- Koolen, R., Gatt, A., Goudbeek, M., Krahmer, E. Factors causing overspecification in definite descriptions // Journal of Pragmatics. Vol. 43. 2011. P. 3231–3250.
- Koolen, R., Goudbeek, M., Krahmer, E. The effect of scene variation on the redundant use of color in definite reference // Cognitive Science. Vol. 37. P. 395–411.
- Krifka, M. Embedding illocutionary acts // Recursion, Complexity in Cognition (Studies in Theoretical Psycholinguistics 43) / ed. by T. Roeper, M. Speas. Berlin: Springer, 2014.
- Liu, M. The elastic nonveridicality property of indicative conditionals // Linguistics Vanguard 5(s3). 2019. 20190007.
- Livingstone, M., Hubel, D. Segregation of form, color, movement, and depth: anatomy, physiology, and perception // Science. Vol. 240. 1989. P. 740–749.
- Long, M., More, I., Mollica, F., and P. Rubio-Fernández (2021). Contrast perception as a visual heuristic in the formulation of referential expressions // Cognition. Vol. 217. 104879.
- Mandler, G., Shebo, B. Subitizing: an analysis of its component processes // Journal of Experimental Psychology: General. Vol. 111. 1982. P. 1–22.
- Mangold, R., Pobel, R. Informativeness and instrumentality in referential communication // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 7. 1988. P. 181–191.
- Matsumoto, Y. The Conversational Condition on Horn Scales // Linguistics and Philosophy. Vol. 18. 1995. P. 21–60.
- McCawley, J. D. Contrastive negation and metalinguistic negation // Chicago Linguistic Society. Vol. 27. № 2. 1991. P. 189–206.
- Moldovan, A. Denying the antecedent and conditional perfection again // In OSSA Conference Archive. Vol. 117. 2013.
- Morzycki, M. Metalinguistic comparison in an alternative semantics for imprecision // Natural Language Semantics. Vol. 19. №1. 2011. P. 39–86.
- Musolino, J. The semantics and acquisition of number words: integrating linguistic and developmental perspectives // Cognition. Vol. 93. 2004. P. 1–41.
- Nouwen, R., and A. Chernilovskaya. On *wh*-exclamatives and noteworthiness // Logic, language and meaning. 2012. P. 271–280.
- Nouwen, R., and A. Chernilovskaya. Two types of exclamatives // Linguistic variation. Vol. 15. №2. 2015. P. 201–224.
- Oaksford, M., Chater, N., Larkin, J. Probabilities and polarity biases in conditional inference // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. Vol. 26 №4. 2000. P. 883–899.
- Oaksford, M., Chater, N., Larkin, J. Probabilities and polarity biases in conditional inference // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. Vol. 26. №4. P. 883–899.

- Over, D., Hadjichristidis, C., Evans, J., Handley, S., Sloman, S. The probability of causal conditionals // *Cognitive Psychology*. Vol. 54. 2007. P. 62–97.
- Oyama, T., Kikuchi, T., Ichihara, S. Span of attention, backward masking and reaction time // *Perception and Psychophysics*. Vol. 29. 1981. P. 106–112.
- Papafragou, A., Musolino, J. Scalar implicatures: experiments at the syntax-semantics interface // *Cognition*. Vol. 86. 2003. P. 253–282.
- Pechmann, T. Incremental speech production and referential overspecification // *Linguistics*. Vol. 27. 1989. P. 89–110.
- Pickering, M., Garrod, S. Toward a mechanistic psychology of dialogue // *Behavioral and Brain Science*. Vol. 27. 2004. P. 169–226.
- R Core Team (2020). R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria. URL: <https://www.R-project.org/>.
- Ramsey, F. *The foundations of mathematics and other logical essays*. London: Routledge and Kegan Paul, 1931.
- Rett, J. Exclamatives, degrees and speech acts // *Linguistics and philosophy*. Vol. 34. №5. 2011. P. 411–442.
- Rojina, N. *The syntactic structures of Russian wh-questions*. Ph.D., University of Geneva, 2011.
- Rubio-Fernández, P. How redundant are redundant color adjectives? An efficiency-based analysis of color overspecification // *Frontiers in Psychology*. Vol. 7: 153. 2016.
- Rubio-Fernández, P. Over-informative speakers are cooperative: revisiting the Gricean maxim of quantity // *Cognitive Science*. Vol. 43. №11. 2019. e12797.
- Rubio-Fernández, P. Color discriminability makes over-specification efficient: Theoretical analysis and empirical evidence // *Humanities and social sciences communications*. Vol. 8: 147. 2021.
- Rubio-Fernández, P., Mollica, F., Jara-Ettinger, J. Speakers and Listeners Exploit Word Order for Communicative Efficiency: A Cross-Linguistic Investigation // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2020. Vol. 150. №3. P. 583–594
- Rudin, C. On multiple questions and multiple wh-fronting // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 6. №4. 1988. P. 445–501.
- Sadock, J., Zwicky, A. *Speech act distinctions in syntax* // *Language typology and syntactic description* / ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985. P. 155–196.
- Sassoon G.W. *Between-Noun Comparisons* // *Logic, Language, and Computation. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 8984. / ed. by M. Aher, D. Hole, E. Jeřábek, C. Kupke. Berlin, Heidelberg: Springer, 2015.
- Sauerland, U. Scalar implicatures in complex sentences // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 27. 2004. P. 367–391.
- Sawada, O. *Pragmatic properties of the Japanese scalar reversal adverbs* // *Midwest Workshop on Semantics*. 2007.

- Schroyens, W., Schaeken, W., Verschueren, N., D'Ydewalle, G. Conditional reasoning with negations: Matching bias and implicit versus explicit affirmation or denial // *Psychologica Belgica*. Vol. 39. №4. 1999. P. 235–258.
- Schulz, K. Minimal models in semantics and pragmatics: Free choice, exhaustivity, and conditionals. Amsterdam: ILLC Dissertation, 2007.
- Scott, T. Whoever doesn't HOP must be superior: The Russian left-periphery and the emergence of superiority. Stony Brook, NY: Stony Brook University dissertation, 2012.
- Searle, J. Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Searle, J., Vanderveken, D. Foundations of illocutionary logic. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Siemund, P. Exclamative clauses in English and their relevance for theories of clause types // *Studies in language*. Vol. 39. №3. 2015. P. 597–627.
- Stalnaker, R. Presuppositions // *The Journal of Philosophical Logic*. Vol. 2. 1973. P. 447–457.
- Stalnaker, R. Common Ground // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 25. 2002. P. 701–721.
- Stalnaker, R. A theory of conditionals // *American Philosophical Quarterly Monograph Series* 2. 1968. P. 98–112.
- Stalnaker, R. Probability and conditionals // *Philosophy of Science*. Vol. 37. 1970. P. 64–80.
- Stepanov, A. On wh-fronting in Russian // *Proceedings of the 28<sup>th</sup> meeting of the North East Linguistic Society* / ed. by P. N. Tamanji, K. Kusumoto. Amherst, MA: GLSA, 1998. P. 453–467.
- Stevens, S. On the problem scales for the measurement of psychological magnitudes // *Journal of Unified Science*. Vol. 9. 1938. P. 94–99.
- Sæbø, K. On the semantics of embedded exclamatives // *Studia linguistica*. Vol. 64. №1. 2010. P. 116–140.
- Tarenskeen, S., Broersma, M., Geurts, B. Overspecification of color, pattern, and size: salience, absoluteness, and consistency. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6: 1703. 2015.
- Taves, E. Two mechanisms for the perception of visual numerosness // *Psychology*. Vol. 37. 1941. P. 1–47.
- Thomas, R., Phillips, J., Young, C. Comparative cognition: human numerosness judgments // *American Journal of Psychology*. Vol. 112. 1999. P. 215–233.
- Van Canegem-Ardijns, I., Van Belle, W. Conditionals and Types of Conditional Perfection // *Journal of Pragmatics*. Vol. 40. 2008. P. 349–376.
- Van der Auwera, J. Pragmatics in the last quarter century: The case of conditional perfection // *Journal of Pragmatics*. Vol. 27. 1997. P. 261–274.
- Van Tiel, B., Schaeken, W. Processing conversational implicatures: Alternatives and counterfactual reasoning // *Cognitive Science*. Vol. 41. 2016. P. 1119–1154.

- Van Tiel, B., Van Miltenburg, E., Zevakhina, N., Geurts, B. Scalar diversity // *Journal of Semantics*. Vol. 33. №1. 2016. P. 137–175.
- Verbrugge, S., Dieussaert, K., Schaeken, W., Van Belle, W. Promise is debt, threat another matter: The effect of credibility on the interpretation of conditional promises and threats // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. Vol. 58. №2. 2004. P. 106–112.
- Vilinbakhova, E., Escandell-Vidal, V., Zevakhina, N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // *Journal of Pragmatics*. 2022. Vol. 191. P. 55–66.
- Vishenkova, A., Zevakhina, N. Exclamatives with and without predicates in Russian // *Russian linguistics*. 2019. Vol. 43. №2. P. 107–125.
- Von Fintel, K. Conditional strengthening. Unpublished manuscript. MIT, 2001.
- Waldon, B. Degen, J. Modeling cross-linguistic production of referring expressions // *Proceedings of the Society for Computation in Linguistics*. Vol. 4. 2021. Article 20.
- Wiltschko, M. What is the syntax-pragmatics interface? // *Empirical Issues in Syntax and Semantics 14* / ed. by G. Bilbäie, B. Crysmann, G. Schaden. Paris: CSSP, 2022. P. 273–308.
- Wu, S. Gibson, E. Word Order Predicts Cross-Linguistic Differences in the Production of Redundant Color and Number Modifiers // *Cognitive Science*. Vol. 45. 2021. e12934.
- Yu, D., Waldon, B., Degen, J. The cross-linguistic order of adjectives and nouns may be the result of iterated pragmatic pressures on referential communication // *Proceedings of the 45th Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. To appear.
- Zanuttini, R., Portner, P. Exclamative clauses: At the syntax-semantics interface // *Language*. Vol. 79. №1. 2003. P. 39–81.
- Zevakhina, N. Syntactic Strategies of Exclamatives // *The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. Vol. №2. 2013. P. 157–178.
- Zevakhina, N., Dzhakupova, S., Vishenkova, A. The grammar of Russian metalinguistic comparatives // *Scando-Slavica*. 2017. Vol. 63. No. 2. P. 179–197.
- Zevakhina, N. The hypothesis of insubordination and three types of wh-exclamatives // *Studies in Language*. Vol. 40. №4. 2016. P. 765–814.
- Zevakhina N., Dainiak A. Russian predicates selecting remarkable clauses: corpus-based approach and Gricean perspective // *Bridging Formal and Conceptual Semantics: Selected Papers of the BRIDGE Workshop 14, Studies in Language and Cognition 4*. Dusseldorf University Press / ed. by K. Balogh, W. Petersen. 2017. P. 187–208.
- Zevakhina, N., Prigorkina, V. Processing Conditional Perfection in promises and threats: The role of negation, clause order and incentive // *Journal of Psycholinguistic Research*. Vol. 50. 2021. P. 1557–1573.

Zevakhina, N., Pasalskaya, E., Chinkova, A. Over-specification of small cardinalities in referential communication // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. 2021. Article 745230.

Zevakhina, N. Veridicality and the cause-effect relation in Russian *esli-* and *raz-*conditionals: experimenting with Conditional Perfection and logical entailment // *Linguistics Vanguard*. Vol. 8. No. s4. 2022. P. 401–412.

Zevakhina, N., Sigdel, E. Experimenting with single-pair vs. pair-list interpretations in Russian multiple wh-clauses // *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 30. № FASL 29 extra issue. 2022. P. 1–11.

16. Zevakhina N.\*, Schipkova A. Asymmetry in Russian metalinguistic comparatives: corpus and experimental evidence. *Вопросы языкознания*. (принята к печати)
17. Zevakhina N.\*, Rodina M. Presupposition diversity: soft and hard presupposition triggers in (non-)embedded contexts // *Acta Linguistica Petropolitana*. (в печати)

## Ресурсы

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: [ruscorpora.ru](http://ruscorpora.ru)

SEP – Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: [plato.stanford.edu](http://plato.stanford.edu)

WALS – World Atlas of Language Structures. URL: [wals.info](http://wals.info)